

Действующие лица:

Автор

Искра Полякова

Зина Коваленко

Лена Бокова

Вика Люберецкая

Сашка Стамескин

Пашка Остапчук

Валька Александров

Жора Ландыс

Артем Шефер

Ученики 9 «Б»

Мария Васильевна Шефер - Мама Артема

Ярослав Шефер – Брат Артема =)

Николай Григорьевич Ромахин - Директор

Валентина Андроновна – Учитель литературы

Леонид Сергеевич Люберецкий – Отец Вики

Товарищ Полякова - Мать Искры

Юра – Ученик 10 «А»

Пролог

От нашего класса у меня остались воспоминания и одна фотография. Групповой портрет с классным руководителем в центре, девочками вокруг и мальчиками по краям. Фотография поблекла, а поскольку фотограф старательно наводил на преподавателя, то края, смазанные еще при съемке, сейчас окончательно расплылись; иногда мне кажется, что расплылись они потому, что мальчики нашего класса давно отошли в небытие, так и не успев повзреть, и черты их растворило время. Я часами смотрю на выцветшую фотографию, на уже расплывшиеся лица тех, кого нет на этой земле: я хочу понять. Ведь никто же не хотел умирать, правда? А мы и не знали, что за порогом нашего класса дежурила смерть.

Сцена 1

(Действ. лица – Артем, Жора, Искра, Зина, Лена, Вика, Пашка, Валька)

Школа. Учебный Класс. Перемена

Автор: Наша компания тогда была небольшой: три девочки – Искра Полякова, Зиночка Коваленко, Леночка Бокова; и двое ребят - Пашка Остапчук да Валька Александров. Зиночка очень любила Искру Полякову, дружила с Леночкой Боковой; Пашка усиленно занимался спортом, считался «надеждой школы», а увалень Александров был признанным изобретателем, за что мы прозвали его Эдисоном. Мы ходили в кино, читали вслух те книги, которые Искра объявляла достойными, делали вместе уроки и — болтали.

Искра болтает с Зиной

Искра: Зина, представляешь, Саша из школы ушел!

Зина: Как ушел?

Искра: Совсем. Ты же знаешь, у него только мама. А теперь за учење надо платить, вот он и ушел.

Зина: Вот ужас-то!

Автор: Был в нашей компании и еще один парень – Сашка Стамескин. Он был из отпетой компании, ругался как ломовой. Но Искре вздумалось его перевоспитывать, и Сашка стал появляться не только в подворотнях, но и в школе. А Валька с Пашкой так часто дрались с ним и с его приятелями, что забыть этого уже не могли. Тут уж не до приятельских улыбок, но Искра сказала, что будет так, и мы терпели.

Искра: Представляешь, Саша — с его-то способностями! — не закончит школу. Ты соображаешь, какая это потеря для всех нас, а может быть, даже для всей страны! Он же мог стать конструктором самолетов. Ты видела, какие он делал модели?

Зина: А почему Саша не хочет пойти в авиационную спецшколу?

Искра: А потому что у него уши! Он застудил в детстве уши, и теперь его не принимает медкомиссия.

Зина: Все-то ты знаешь! И про модели, и про уши.

Искра: Нет, не все. Я не знаю, что нам делать с Сашей. Может, пойти в райком комсомола?

Автор: Зина побаивалась Искорку, хотя была почти на год старше. Очень любила ее, в меру слушалась и всегда побаивалась той напористости, с которой Искра решала все дела и за себя и за нее и вообще за всех, кто, по ее мнению, в этом нуждался. В классе подружек любили. Но если Зиночку просто любили и быстро прощали, то Искру не только любили, но слушали. Искра всегда помнила об этом и немного гордилась, хотя оставаться совестью класса было порой нелегко.

Зина: Господи, ну причем тут райком? Искра, ты лучше скажи, тебе за лето стал тесным лифчик?

Искра: Какой лифчик?

Зина: Обыкновенный. Не испепеляй меня, пожалуйста, взглядом. Просто я хочу знать: все девочки растут вширь или я одна такая уродина?

Искра: Не тем ты интересуешься, Зинаида, совершенно не тем, чем должна интересоваться комсомолка.

Зина: Это я сейчас комсомолка. А потом я хочу быть женщиной.

Искра: Как не стыдно! Нет, вы слышали, ее мечта, оказывается, быть женщиной. Не летчицей, не парашютисткой, не стахановкой, наконец, а женщиной. Игрушкой в руках мужчины!

Зина: Любимой игрушкой. Просто игрушкой я быть не согласна.

Искра: Перестань болтать глупости! Мне противно слушать, потому что все это отвратительно. Это буржуазные пошлости, если хочешь знать.

Зина: Ну, рано или поздно их узнать придется... Но ты не волнуйся, и давай лучше говорить о Саше... Ему нужно устроиться на авиационный завод!

Искра: Ему нужно учиться. Думаешь, это так просто? Это совершенно секретный завод, и туда принимают только очень проверенных людей.

Зина: Сашка шпион?

Искра: Глупая, там же анкеты. А что он напишет в графе «отец»? Что? Даже его собственная мама не знает, кто его отец.

Зина: Что ты говоришь?

Искра: Нет, знает, конечно, но не говорит. И Саша напишет в анкете — «не знаю», а там что могут подумать, представляешь?

Зина: Ну, что? Что там могут подумать?

Искра: Что этот отец — враг народа, вот что могут подумать.

Зина: А Вика Люберецкая?

Автор: Папа Вики Люберецкой был главным инженером авиационного завода. А сама Вика восемь лет просидела с Зиной за одной партой. Правда, Искра сторонилась Вики. И потому, что Вика тоже была круглой отличницей, и потому, что немного ревновала ее к Зинке, и, главное, потому, что Вика держалась всегда чуть покровительственно со всеми девочками и надменно со всеми мальчишками. Все это вместе определяло Вику как существо из другого мира, к которому Искра с детства питала ироническое сожаление.

Зина: Я сама попрошу! Вика — золотая девчонка, честное комсомольское!

Искра: У тебя все золотые.

Зина: Ну хоть раз, хоть разочек доверь мне. Хоть единственный, Искорка!

Искра: Хорошо.

Зина: Вот спасибо! Увидишь сама, как замечательно все получится.

Жора и Артем разговаривают за партой

Автор: У Жорки Ландыса было два дела, которыми он занимался с удовольствием: коньки и марки, причем коньки были увлечением, а марки - страстью. Он разыскивал их в бабушкиных сундуках, до унижения кланчил у знакомых, выменивал, покупал, а порой и крал, не в силах устоять перед соблазном. Он лично писал письма в Германию, потом в Испанию, а затем в Китай, хищно отклеивал марки и тут же сочинял новые послания. Эта активность закрепила за ним славу человека делового, и Артем шел к нему советоваться.

Артем: Жора, Мне, это, шестнадцать лет. Дата?

Жора: Дата!

Артем: Хочу, это... Отметить хочу.

Автор: Артем Шефер говорил всегда скверно и хмуро стеснялся. Ему мучительно не хватало слов, и спасительное «это» звучало в его речах чаще всего остального. Тут была какая-то странность, потому что читал Артем много и жадно, письменные писал не хуже других, а с устным выходила одна неприятность. И поэтому Артем еще с четвертого класса преданно возлюбил науки точные и люто возненавидел все предметы, где надо много говорить.

Жора: Ага! Нужен список, не весь же класс звать.

Артем: Да я согласен и на весь, лишь бы пришла она – Зинка Коваленко... Ты же знаешь.

Жора: Да знаю! Так: ты, я, Валька Александров, Пашка Остапчук... Ну, с мужской половиной покончили быстро... Девчонок пиши сам.

Артем: Нет, нет, зачем это? У тебя почерк лучше.

Жора: Это точно! Знаешь, куда я письмо наката! В Лигу Наций насчет детского вопроса. Может, ответят? Представляешь, марочка придет!

Артем: Вот и давай. С кого начнем?

Жора: Задача! Лучше скажи, кого записывать, кроме Зинки Коваленко.

Артем: Искру. Ну, кого еще? Еще Лену Бокову, она с Пашкой дружит.

Автор: Пашка Остапчук умел ловко вертеть на турнике «солнце» да преданно любить Леночку Бокову. Лена же готовилась в артистки в свободное от учебы время либо занималась у старенькой и очень заслуженной актрисы, либо ходила гулять с Пашкой.

Жора: Еще Сашку Стамескина. Из-за него Искра надуется, а без Искры...

Артем: Без Искры нельзя... Эхх, ладно. Пиши Стамескина.

Жора: И Вику Люберецкую!

Автор: Вика давно уже была Жоркиной мечтой. Голубой, как ответ из Лиги Наций.

Артем начинает разносить приглашения одноклассникам

Искра: Эта открытка не розыгрыш?

Артем: Ну, зачем? Я, это... Шестнадцать лет.

Искра: А почему не твой почерк?

Артем: Жорка писал. Я — как курица лапой, сама знаешь.

Вика: У нашей Искры недоверчивость прокурора сочетается с прозорливостью Шерлока Холмса. Спасибо, Артем, я обязательно приду.

Сцена 2

(действ. лица: Искра, Саша)

Искра приходит домой к Саше

Саша: Чего приперлась?

Искра: (*рассматривая рисунок самолета*) Таких самолетов не бывает.

Саша: Что ты понимаешь!

Искра: Интересная конструкция, но самолет не взлетит.

Саша: Почему это не взлетит? А если взлетит?

Искра: «Если» в авиации понятие запрещенное. В авиации главное расчет. У тебя явно мала подъемная сила.

Саша: Что?

Искра: Подъемная сила крыла. Ты знаешь, отчего она зависит?

Автор: Сашка молчал, подавленный эрудицией. Он придумывал свои самолеты, исходя из эстетики, а не из математики: ему нравились формы, которые сами рвались в небо. Сашка хотел, чтобы они летали, чтобы «горки», «бочки» и «иммельманы» были покорны его самолетам, как его собственное тело было покорно ему. А для этого требовался суший пустяк — расчет, И за этим пустяком Сашка нехотя, криво усмехаясь, пошел в школу. Но теперь, школа была уже в прошлом...

Искра: Что ты собираешься теперь делать?

Саша: Не знаю...

Искра: Саша, у тебя ведь есть цель? Понимаешь, каждый человек рождается для какой-то определенной цели. И нужно искать свою цель, свое призвание. Нужно научиться отбрасывать все случайное, второстепенное, нужно определить главную задачу жизни.

Саша: Без тебя знаю!

Искра: Если ты не против, мы согласны тебе помочь... Отец Вики Люберецкой устроит тебя на авиазавод..

Саша: Как это устроит?

Искра: Он участник гражданской войны, орденосец...

Саша: Ладно.

Искра: Кстати, завтра у Артема Шефера день рождения, он просит тебя пройти.

Саша: Ну кто будет-то?

Искра: Зинка Коваленко, Леночка Бо...

Саша: Ну ты то будешь?

Искра: Буду!

Саша: Ладно, приду...

Сцена 3

(действ. лица: *Артем, Жора, Искра, Зина, Лена, Вика, Пашка, Валька, Сашка
Мама Артема*)

Дома у Артема на дне рождения

Автор: На своем дне рождения Артем сидели во главе стола. Его мама наливала девочкам сидро и угощала их пирогами, а мальчики пили мамину наливку. Младший брат Артема показывал фокусы и веселил ребят разными способами. А мама Артема так же сидела за столом со всеми, но она была настолько незаметной, и всем казалось, что она ушла.

Валька: Мировые у тебя старики! У меня только и слышишь: «Валька, ты что там делаешь?»

Пашка: За тобой, Эдисон, глаз нужен, а то ты такое изобретешь...

Лена: Эдисон кого-нибудь спалит!

Искра: А я считаю, что человеку нельзя связывать крылья! Если человек хочет изобрести полезную для страны вещь, ему необходимо помочь. А смеяться над ним просто глупо!

Вика: Глупо по всякому поводу выступать с трибуны.

Искра: Нет, это не глупо! Глупо считать себя выше всех только потому, что...

Брат Артема: (*намеренно перебивая спор*) Девочки, девочки, я еще один фокус знаю!...

Вика: Ну, договаривай, Так почему же? Потому что у меня папа крупнейший руководитель? Ну и что же здесь плохого? Мне нечего стыдиться своего папы...

Зина прерывает спор, громко произнося

Зина: Артемон! Налей мне сидро, Артемон...

Автор: Зине до боли стало жалко Искру, и потому она неожиданно для самой себя назвала Артема именем верного пуделя. Все хохотали долго и весело, как можно хохотать только в детстве.

Брат Артема: (*Всем*) А может быть станцуем?

Все соглашаются

Брат Артема: (*Выбирая пластинку*) Вальс? Фокстрот? А может быть танго?

Вика: Я танцую или вальс, или вальс-бостон.

Начинаются танцы. Ребята либо ищут пару и начинают танцевать, либо сидят в стороне и наблюдают за происходящим

Зина и Артем танцуют вместе

Зина: Ты прости, пожалуйста, что я назвала тебя Артемоном. Я вдруг назвала, понимаешь? Я не придумывала, а — вдруг. Как выскочило.

Артем: Ничего...

Зина: Ты правда не обижаешься?

Артем: Правда. Даже, это... Хорошо, словом.

Зина: Что хорошо?

Артем: Ну, это. Артемон этот.

Зина: А... А почему хорошо?

Артем: Не знаю. Потому что ты, понимаешь? Тебе можно.

Зина: Спасибо... Я иногда буду называть тебя Артемоном. Только редко, чтобы ты не скоро привык.

Танцы прекращаются

Вика: *(обращаясь ко всей толпе)* А можно я прочитаю мое любимое стихотворение одного почти забытого поэта?

Жора: Забытое — значит, ненужное.

Вика: Ты дурак. Он забыт совсем по другой причине.

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,

С такую милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

Искра: Это Есенин, это упадочнический поэт. Он воспекает кабаки, тоску и уныние.

Зина: Это изумительные стихи, вот и все. И-зу-ми-тель-ны-е!

Пауза

Искра: (*Сашке*) Тебе понравились стихи?

Саша: Ничего я в этом не смыслю, но стихи мировецкие. Знаешь, там такие строчки... Жалко, не запомнил.

Искра: «Дай. Джим, на счастье лапу мне...».

Саша: «Дай. Джим, на счастье лапу мне ...».

Вика: (*вмешавшись в разговор*) Ты умная, Искра?

Искра: Не знаю... Во всяком случае, не дура.

Вика: Да, ты не дурра. Я никому не даю эту книжку, потому что она папина, но тебе дам. Только читай не торопясь.

Искра: Спасибо, Вика. Верну в собственные руки.

Автор: На улице два раза рявкнул автомобильный сигнал, и Вика стала прощаться. А чуть позже все остальные весело пошли на трамвай. И громко пели в пустом вагоне, а когда кому-нибудь надо было сходить, то вместо «до свидания» уходящий почему-то кричал:

— Физкультпривет!

И все хором отвечали:

— Привет! Привет! Привет!

А когда все разошлись, Артем помогал маме убирать со стола, и она сказала:

Мама Артема: У тебя очень хорошие друзья, мальчик мой. У тебя замечательные друзья, но знаешь, кто мне понравился больше всех? Мне больше всех понравилась Зиночка Коваленко. Мне кажется, она очень хорошая девочка.

Артем: Правда, мам?

Автор: Артем расцвел. И это был самый лучший подарок, который он получил ко дню своего рождения. Мама знала, что ему подарить.

Сцена 4

(действ. лица: *Артем, Жора, Искра, Зина, Лена, Вика, Пашка, Валька, Ромахин, Валентина Андроновна*)

Школа. Урок Географии

Автор: Школу построили недавно, и об открытии ее писали в газетах. Окна были широкими, парты еще не успели изрезать, в коридорах стояли кадки с фикусами, а на первом этаже располагался спортзал — редчайшая вещь по тем временам. Валентина Андроновна — учительница литературы и классный руководитель нашего 9 «Б», полгода исполняла обязанности директора, а потом прислали нового директора. Он носил широченные галифе, мягкие шевровые сапоги и суконную гимнастерку с огромными накладными карманами, был по-кавалерийски шумлив, любил громко хохотать и чихать на всю школу. А вообще-то директор — Николай Григорьевич Ромахин, преподавал географию, но своеобразно, как и все, что делал. Он не любил установок, а тем паче — указаний и учил не столько по программе, сколько по совести большевика и бывшего конармейца.

Ромахин: (*Пашке, отвечающему у доски*) Что ты мне все по Гангу указкой лазаешь? Плавать придется, как-нибудь разберешься в притоках, а не придется, так и не надо. Ты нам, голуба, лучше расскажи, как там народ бедствует, как английский империализм измывается над трудящимся людом. Вот о чем надо помнить всю жизнь!

Автор: Это когда дело касалось стран чужих. А когда своей, директор рассказывал совсем уж вещи непривычные:

Ромахин: Ладно, лучше вот расскажи мне про наши Сальские степи. Что для них характерно?

Пашка: Нууу...

Ромахин: (аккуратно обрисовывая степи на карте) А то характерно для Сальских степей, что воды мало, и если случится вам летом там быть, то поите коня с утра обильно, чтоб аж до вечера ему хватило. И наш конь тут не годится, надо на местную породу пересаживаться, они привычнее.

Автор: Может, за эти рассказы, может, за демократизм и простоту, может, за шумную человеческую откровенность, а может, и за все разом любила директора школа. Любила, уважала, но и побаивалась.

Звучит звонок

Ромахин: Ну ладно, строй. Вольно!

В кабинет входит Валентина Андроновна

Автор: Да, мы очень любили своего нового директора. А вот свою новую классную руководительницу Валентину Андроновну не просто не любили, а

презирали столь дружно и глубоко, что не затрачивались уже ни на какие иные эмоции. Валентина Андроновна, она же просто Валендра, преподавала литературу и временно замещала директора. Ее массивная фигура источала строгость и целеустремленную готовность следовать самым новейшим распоряжениям и циркулярам.

Ромахин: О, Валентина Андроновна! Проходите, садитесь! Валентина Андроновна, я как раз хотел с вами, как с заместителем директора поговорить. Если я вас правильно понял, на первом этаже у нас 1-2ые классы, на втором 3-4ые и так далее по возрастающей и никого с этажа на этаж не пускают?

Валендра: Точно! Даже символично в прекрасном, нашем смысле этого слова.

Романихин: Да ведь это кадетский корпус какой-то получается!

Валендра: Ну почему?... У нас есть распоряжение Гороно.

Ромахин: Жить надо не распоряжениями, а идеями. А какая наша основная идея? Наша основная идея — воспитать гражданина новой, социалистической Родины. Поэтому всякие распоряжения отменим и сделаем таким макаром. Пишите:

«1-й этаж. Первый и шестой классы.

2-й этаж. Второй, седьмой и восьмой.

3-й этаж. Третий и девятый.

4-й этаж. Четвертый, пятый и десятый».

Вот! Все перемешаются, и начнется дружба. Где главные бузотеры? В четвертом и пятом: теперь на глазах у старших, значит, те будут приглядывать. И никаких дежурных, пусть шуруют по всем этажам. Ребенок — существо стихийно-вольное, и нечего зря решетки устанавливать. Это во-первых. Во-вторых, у нас девочки растут, а зеркало — одно на всю школу, да и то в учительской. Завтра же во всех девчоночьих уборных повесить хорошие зеркала!

Валендра: Кокоток растить будем?

Ромахин: Не кокоток, а женщин, Валентина Андроновна. Впрочем, вы не знаете, что это такое. Эххх! и жизнь сразу забушует!

Валендра: Страсти преждевременно будим?

Ромахин: Страсти — это прекрасно. Хуже нет бесстрастного человека.

Ромахин и Валендра уходят

Пашка: Что-то наша Валендра заюлила?

Лена: Льет масло в будущие волны страстей человеческих.

Жора: Ворвань она льет, а не масло, Откуда у такой задрыги масло?

Искра: Прекрати, о старших так не говорят, и я не люблю слово «задрыга».

Жора: А зачем же произносишь, если не любишь?

Искра: Для примера. Нехорошо это, ребята. Получается, что мы злословим всем классом.

Валька: Ясно, ясно, Искра! Действительно, в классе не надо. Лучше дома.

Сцена 5

(действ. лица: Валендра, Искра, Зина)

Школа. Кабинет Валендры

Автор: Валентина Андроновна твердо была убеждена, что школа — ее школа, где она целых полгода правила единовластно, — ныне попала в руки авантюриста. Вот что ее мучило, вот что заставляло ее писать письма по всем адресам, но письма эти пока не имели ответа. Пока. Она учитывала это «пока».

В воскресенье мы веселились на дне рождения, в понедельник вспоминали об этом, а во вторник после уроков Искру вызвала классная руководительница.

Валендра: Садись, Искра, Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Искра: Ничего.

Валендра: Жаль. Как ты думаешь, почему я обратилась именно к тебе? Я могла бы поговорить с Остапчуком или Александровым, с Ландысом или Шефером, с Боковой или Люберецкой, но я хочу говорить с тобой, Искра.

Автор: Искра мгновенно прикинула, что вся названная компания была на дне рождения и что среди всех не названы лишь Саша и Зина. Саша уже не был учеником 9 «Б», но Зиночка...

Валендра: Я обращаюсь к тебе не только как к заместителю секретаря комитета комсомола. Не только как к отличнице и общественнице. Не только как к человеку идейному и целеустремленному. но и потому, что хорошо знаю твою маму как прекрасного партийного работника. Ты спросишь: зачем это вступление? Затем, что враги используют сейчас любые средства, чтобы растлить нашу молодежь, чтобы оторвать ее от партии, чтобы вбить клин между отцами и детьми. Вот почему твой святой долг немедленно сказать...

Искра: Мне нечего вам сказать.

Валендра: Да? А разве тебе неизвестно, что Есенин — поэт упадочнический? А ты не подумала, что вас собрали под предлогом рождения — я проверила анкету Шефера: он родился второго сентября. Второго, а собрал вас через три недели! Зачем? Не для того ли, чтобы ознакомить с пьяными откровениями кулацкого певца?

Искра: Есенина читала Люберецкая, Валентина Андроновна.

Валендра: Люберецкая?

Искра: Да, Вика.

Автор: Зина Коваленко напутала в своей информации. Это был пробный шар. Искра даже отвернулась, понимая, что идет на провокацию. Но ей необходимо было проверить подозрения.

Валендра: Значит, Вика? Да, да. Коваленко много болтала лишнего. Кто-то ушел из дома, кто-то в кого-то влюбился, кто-то читал стихи. Она очень, очень несобранная, эта Коваленко! Ну что же, тогда все понятно, и... и ничего страшного. Отец Люберецкой — виднейший руководитель, гордость нашего города. И Вика очень серьезная девушка.

Искра: Я могу идти?

Валендра: Что? Да, конечно. Видишь, как все просто решается, когда говорят правду. Твоя подруга Коваленко очень, очень несерьезный человек.

Искра: Я подумаю об этом.

Искра выходит из кабинета и направляется к Зине, стоящей неподалеку

Искра: Ты кто — идиотка, сплетница или предатель? Ты предатель!

Зина: Я?

Искра: Ты что наговорила Валендре?

Зина: А я наговорила? Она поймала меня в уборной перед зеркалом. Стала ругать, что верчусь и... кокетничаю. Это она так говорит, а я вовсе не кокетничаю и даже не знаю, как это делают. Ну, я стала оправдываться. Я стала оправдываться, а она — расспрашивать, подлая. И я ничего не хотела говорить, честное слово, но... все рассказала. Я не нарочно рассказала, Искорка, я же совсем не нарочно.

Искра: Утрись, и идем к Люберецким.

Зина: Куда?

Искра: Ты подвела человека. Завтра Вику начнет допрашивать Валендра, и нужно, чтобы она была к этому готова.

Зина: Но мы же никогда не были у Люберецких.

Искра: Не были, так будем. Пошли!

Сцена 6

(действ. лица: Искра, Зина, Вика, Отец Вики – Люберецкий)

Искра и Зина приходят домой к Люберецким

Автор: Вика гордилась своим отцом не меньше, чем Искра мамой. Но если Искра гордилась про себя, то Вика — открыто и победоносно. Гордилась его наградами. Гордилась его многочисленными именными подарками от наркома, фотоаппаратами и часами, радиоприемниками и патефонами. Гордилась его статьями, его боевыми заслугами в прошлом и его прекрасными делами в настоящем. Вика очень гордилась отцом и очень тяготилась одиночеством.

Искра: Извини, мы по важному делу.

Зина: *(Смотря на большое зеркало в прихожей)* Какое зеркало!

Вика: Старинное. Папе подарил знакомый академик.

На голоса девочек выходит Люберецкий

Люберецкий: Здравствуйте, девочки. Ну, наконец-то и у моей Вики появились подружки, а то все с книжками да с книжками. Очень рад, очень! Проходите в столовую, я сейчас подам чай.

Вика: Чай может подать горничная.

Люберецкий: Может, но я лучше.

Автор: За чаем Леонид Сергеевич ухаживал за девочками, угощал пирожными и конфетами в нарядных коробках. Отец Вики при этом шутил, улыбался, и ощущение чужого праздника, на котором они оказались незванными гостями, постепенно оставило девочек. Искра неожиданно разговорилась и тут же поведала о беседе с учительницей.

Люберецкий: Девочки, это все несерьезно. Никто Сергея Есенина не запрещал, и в стихах его нет никакого криминала. Надеюсь, что ваша учительница и сама все понимает, а разговор этот, что называется, под горячую руку. Если хотите, я позвоню ей.

Искра: Нет. Извините, Леонид Сергеевич, но в своих делах мы должны разбираться сами. Надо выработать характер.

Люберецкий: Молодец. Должен признаться, я давно хотел с вами познакомиться, Искра. Я много слышан о вас.

Вика: Папа!

Люберецкий: А разве это тайна? Извини. *(Обращаясь к Искре)* Оказалось, что я знаком с вашей мамой. Как-то случайно повстречались в горкоме и выяснили, что

виделись еще в гражданскую, воевали в одной дивизии. Удивительно отважная была дама. Прямо Жанна д'Арк.

Искра: (Поправляя) Комиссар.

Люберецкий: Комиссар. А что касается поэзии в частности и искусства вообще, то мне больше по душе то, где знаки вопросительные превалируют над знаками восклицательными. Восклицательный знак есть перст указующий, а вопросительный — крючок, вытаскивающий ответы из вашей головы. Искусство должно будить мысли, а не убаюкивать их.

Зина: Не-ет. Искусство должно будить чувства.

Искра: Зинаида!

Люберецкий: Зиночка абсолютно права. Искусство должно идти к мысли через чувства. Оно должно тревожить человека, заставляя болеть чужими горестями, любить и ненавидеть. А растревоженный человек пытлив и любознателен: состояние покоя и довольства собой порождает леность души. Вот почему мне так дороги Есенин и Блок, если брать поэтов современных.

Искра: А Маяковский? Маяковский есть и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи.

Люберецкий: В огромнейшем таланте Маяковского никто не сомневается.

Вика: Папа был знаком с Владимиром Владимировичем.

Зина: Знаком!? Не может быть!

Люберецкий: Почему же? Я хорошо знал его, когда учился в Москве. Признаться, мы с ним отчаянно спорили, и не только о поэзии. То было время споров, девочки. Мы не довольствовались абсолютными истинами, мы искали и спорили. Спорили ночи напролет, до одури.

Искра: А разве можно спорить с... гением?

Люберецкий: Спорить не только можно, но и необходимо. Истина не должна превращаться в догму, она обязана все время испытываться на прочность и целесообразность... Эхх, уже машина пришла. (*Вставая из-за стола*) Всего доброго, девочки. Пейте чай, болтайте, слушайте музыку, читайте хорошие стихи. И, пожалуйста, не забывайте о нас с Викой.

Вика: Ты надолго, папа?

Люберецкий: Раньше трех с совещаний не отпускают

Вика: Давай я тебя провожу.

Вика и Люберецкий уходят

Зина: Я же говорила, что Вика золотая девчонка, ведь говорила же, говорила! Господи, восемь лет из-за тебя потеряли. Какая посуда! Нет, ты видела, какая посуда? Как в музее! Наверное, из такой посуды Потемкин пил.

Искра: Истина... Зачем же с ней спорить, если она — истина?

Зина: (пародируя Валендру) «В образе Печорина Лермонтов отразил типичные черты лишнего человека...». Попробуй, поспорь с этой истиной, а Валендра тебе «оч. плохо» вкатит.

Искра: Может, это не истина? Кто объявляет, что истина — это и есть истина? Ну, кто? Кто?

Сцена 7

(действ. лица: Искра, Мама Искры, Саша)

На улице, недалеко от дома Поляковых

Искра: Почему ты улыбаешься? Ты хитришь, Стамескин. Ты стал ужасно хитрым человеком.

Саша: Я не хитрый. А улыбаюсь оттого, что мне хорошо.

Искра: Почему это тебе хорошо?

Саша: Не знаю. Хорошо, и все.

Искра: Понимаешь, если рассуждать логически, то жизнь одного человека представляет интерес только для него одного. А если рассуждать не по мертвой логике, а по общественной, то он, то есть человек...

Саша: Знаешь? Ты не рассердишься, если я...

Искра: Что?

Саша: Нет, ты наверняка рассердишься.

Искра: Да нет же, Саша, нет! Ну же? Ну?

Саша: Давай поцелуемся.

Пауза

Саша: Ну вот. Я же ведь просто так...

Пауза

Искра: Давай.

Целуются

Искра: Пусти... Ну же.

Саша: Вот...

Искра: Страшно, да? У тебя бьется сердце?

Саша: Давай еще, а? Еще разочек...

Искра: Нет. Со мной что-то происходит и... И я должна подумать.

Искра идет домой. Дома занимается своими делами мать. Искра раздевается, проходит к своему столу и начинает что-то писать в тетради

Автор: Мама Искры до сих пор носила потертую кожанку, сапоги и широкий ремень, оставлявший после удара жгучие красные полосы. Про эти полосы Искра никому никогда не говорила, потому что стыд был больнее. И еще потому, что лишь она одна знала: ее резкая, крутая, негибкая мать была глубоко несчастной и, в сущности, одинокой женщиной. Искра очень жалела и очень любила ее.

В комнату Искры входит Мама

Мама Искры: Где ты была?

Искра: У Люберецких. Потом еще немного прогулялась... С Сашей.
(*Оторвавшись от тетради*) Мама, что такое истина?

Мама Искры: По-моему, ты небрежно сформулировала вопрос. Уточни, пожалуйста.

Искра: Тогда скажи: существуют ли бесспорные истины. Истины, которые не требуют доказательства.

Мама Искры: Конечно. Если бы не было таких истин, человек остался бы зверем. А ему нужно знать, во имя чего он живет.

Искра: Значит, человек живет во имя истины?

Мама Искры: Мы — да. Мы, советский народ, открыли непреложную истину, которой учит нас партия. За нее пролито столько крови и принято столько мук, что спорить с нею, а тем более сомневаться — значит предавать тех, кто погиб и... и еще погибнет. Эта истина — наша сила и наша гордость. Искра. Я правильно поняла твой вопрос?

Искра: Да, да, спасибо. Понимаешь, мне кажется, что у нас в школе не учат спорить.

Мама Искры: С друзьями спорить не о чем, а с врагами надо драться. Почему ты спросила об этом?

Искра: Просто так.

Мама Искры вырывает из рук у Искры тетрадь, бегло читает

Мама Искры: Что это такое?

Искра: Это? Это статья в стенгазету.

Мама Искры: Кто тебя надоумил писать ее?

Искра: Никто.

Мама Искры: Искра, не ври, я устала.

Искра: Я не вру, я написала сама. Я даже не знала, что напишу ее. Просто села и написала. По-моему, я хорошо написала, правда?

Мама Искры: Кто рассказал тебе об этом?

Искра: Леонид Сергеевич Люберецкий.

Мама Искры: Рефлексирующий интеллигент! Что он еще тебе наговорил?

Искра: Ничего. То есть говорил, конечно. О справедливости, о том, что...

Мама Искры: Так вот. Статьи ты не писала и писать не будешь! Никогда.

Искра: Но ведь это несправедливо...

Мама Искры: Справедливо только то, что полезно обществу. Только это и справедливо, запомни!

Искра: А как же человек? Человек вообще?

Мама Искры: А человека вообще нет. Нет! Есть гражданин, обязанный верить. Верить!

Сцена 8

(действ. лица: Искра, Вика, Зина, Юра)

Школа. Прозвенел последний звонок. Ученики выходят из кабинетов и собираются домой. Искра начинает разговор с Викой

Искра: Вика, Я хочу вернуть Есенина. Спасибо тебе (вручает томик Есенина Вике в руки)

Вика: Пожалуйста. Надеюсь, теперь ты не станешь утверждать, что это вредные стихи?

Искра: Это замечательные стихи. Я думаю, нет, я даже уверена, что скоро их оценят и Сергею Есенину поставят памятник... Я никогда не задумывалась, что такое любовь. Наверное, это стихи заставили меня задуматься.

Вика: Папа говорит, что в жизни есть две святые обязанности, о которых нужно думать: для женщины — научиться любить, а для мужчины — служить своему делу... А как ты представляешь счастье?

Искра: Счастье? Счастье — быть полезной своему народу.

Вика: Нет. Это — долг, а я спрашиваю о счастье.

Искра: А как ты представляешь?

Вика: Любить и быть любимой. Нет, я не хочу какой-то особой любви: пусть она будет обыкновенной, но настоящей. И пусть будут дети. Трое: вот я — одна, и это невесело. Нет, два мальчика и девочка. А для мужа я бы сделала все, чтобы ему всегда было со мной хорошо. И чтобы мы жили дружно и умерли в один день, как говорит Грин.

Искра: Кто?

Вика: Ты не читала Грина? Я тебе дам, и ты обязательно прочтешь.

Искра: Спасибо. А тебе не кажется, что это мещанство?

Вика: Я знала, что ты это скажешь. Нет, это никакое не мещанство. Это нормальное женское счастье.

Искра: А работа?

Вика: А ее я не исключаю, но работа — это наш долг, только и всего. Папа считает, что это разные вещи: долг — понятие общественное, а счастье — сугубо личное.

Искра: А что говорит твой папа о мещанстве?

Вика: Он говорит, что мещанство — это такое состояние человека, когда он делается рабом незаметно для себя. Рабом вещей, удобств, денег, карьеры,

благополучия, привычек. Он перестает быть свободным, и у него вырабатывается типично рабское мировоззрение. Он теряет свое «я», свое мнение, начинает соглашаться, поддакивать тем, в ком видит господина. Папа называет мещанами тех, для кого удобства выше чести.

Искра: Честь — дворянское понятие. Мы ее не признаем.

Вика: *(После паузы)* Я хотела бы любить тебя, Искра, ты — самая лучшая девочка, какую я знаю. Но я не могу тебя любить, и не уверена, что когда-нибудь полюблю так, как хочу, потому что ты максималистка.

Искра: Разве плохо быть максималисткой?

Вика: Нет, не плохо, и они, я убеждена, необходимы обществу. Но с ними очень трудно дружить, а любить их просто невозможно. Ты, пожалуйста, учти это, ты ведь будущая женщина.

Искра: Да, конечно... Мне пора. Спасибо тебе... За Есенина.

Вика уходит. Искра подходит ко все это время стоящей подали Зине

Искра: Пошли к тебе домой. Я вычитала одну интересную мысль... Что с тобой?

Зина: Ничего со мной.

Искра: А почему ты стоишь? Даже с места не сдвинешься.

Зина: Потому что мне надо к врачу. То есть сначала к маме, а уж потом... Куда поведут.

Искра: Ну ладно. Смотри мне.

Искра уходит. Появляется Юра. Он высматривает взглядом Зину

Зина: *(смотря на Юру)* Ждет!

Автор: На горизонте маячил Юра. Красавец Юра из 10 «А», бессменный староста и бездельник. Предстать перед ним следовало спокойной, усталой и равнодушной. У Зиночки не было никакого опыта в свиданиях, и все, что она делала сейчас, основывалось на интуиции. Она не размышляла — она действовала именно так, потому что по-иному действовать не могла.

Зина: Привет.

Юра: Привет. Чего это ваш Артем на меня зверем смотрит?

Зина: Не знаю...

Юра: Ну, так как насчет кино? *(Достаёт два билет)* Мировой фильм. По блату на последний сеанс. Уже уладила свои проблемы?

Зина: Уладила. Когда и где?

Юра: Давай в полдесятого у «Коминтерна», а?

Зина: Договорились

Юра: Я провожу тебя?

Зина: Ни в коем случае!

Юра и Зина расходятся

Сцена 9

(действ. лица: Зина, Юра, Вика, Люберецкий, НКВДшник)

Вечер. Улица. Зина и Юра идут из кино

Автор: Фильма Зина почти не запомнила, хотя он, наверное, был интересным. Она честно смотрела на экран, но все время чувствовала, что рядом сидит не мама, не Искра, даже не парень из класса, а молодой человек, заинтересованный в ней больше, чем в фильме. Возвращаясь, Зине казалось, что весь город и весь мир давно уже спят, и только девичьи каблучки молодо и звонко взрывают сонную тишину. Юра рассказывал что-то, Зина смеялась и тут же намертво забывала, над чем она смеялась.

Юра: Посидим немного? Или ты торопишься?

Зина: Ну, не здесь же.

Юра: А где?

Автор: Зина знала где: перед домом Вики Люберецкой в кустах стояла скамейка. Если б что-нибудь — ну, что-нибудь не так! -она могла бы заорать и вышла бы либо Вика, либо ее папа. Зиночка была ужасно хитрым человеком. Они нашли эту скамейку, и Зина все ждала, когда же он начнет говорить то, что ей так хотелось услышать. Но тут... К подъезду дома Люберецких бесшумно подкатила большая черная машина. Зине почему-то сделалось беспокойно.

Зина начинает присматриваться к дому Люберецких

Юра: Ну, что ты? Что?

Зина: Подожди.

Слышны девичьи крики

Зина: *(Юре)* Да отодвинься же! Пыхтишь, как бегемот, ничего из-за тебя не слышно.

Юра: Ну и черт с ними. *(Берет Зину за руку)*

Зина: Тихо сиди! *(Вырывает руку)*

Снова слышны крики

Зина: *(Шепотом)* Господи, ну почему же так долго?

Из дома появляется Люберецкий. Его ведет к машине НКВДшник. За ними выбегает Вика

Вика: Папа! Папочка!..

ф

Вика: Папа!

НКВДшник оттесняет Вику

Вика: (НКВДшнику) Это неправда, неправда! Пустите меня!

Люберецкий: Телеграфируй тете, Вика! А лучше поезжай к ней! Брось все и уезжай!

Вика: Папа! Папочка!

Люберецкий: Я ни в чем не виноват, доченька! (Его заталкивают в машину. Он продолжает кричать) Я ни в чем не виноват, это какая-то ошибка! Я — честный человек, честный!..

Автор: Последние слова он уже из кузова. Резко хлопнули дверцы, машина сорвалась с места. И все было кончено... И снова стало тихо и пусто, и только железно шелестели огрубевшие каштановые листья. А двое еще продолжали сидеть на укромной скамейке, растерянно глядя друг на друга.

Сцена 10

(действ. лица: Ромахин, Мама Искры, Мама Артема)

Приемная директора. Ромахин, Мама Искры и Мама Артема беседуют о событии, произошедшем прошлой ночью

Ромахин: Чушь какая-то! Это же чушь, это же нелепица полная!

Мама Искры: Возможно, поправят, если нелепица.

Мама Артема: Пока поправят, девочка, что же, одна будет? Может, написать родным, а ее к нам пока, а? Есть насчет этого указания?

Ромахин: Что указания, когда она — человек взрослый, паспорт на руках. Предложите ей, хотя сомневаюсь... А родным написать надо, только не в этом же дело, не в этом!

Мама Артема: Так ведь одна же девочка...

Ромахин: Не в этом, говорю, дело. Вот мы трое — коммунисты, так? Вроде как ячейка. Так вот, вопрос ребром: верите Люберецкому? Лично верите?

Мама Артема: Вообще-то, конечно, я этого товарища не знаю, но... Но где тут смысл, скажите мне? Признанный товарищ, герой гражданской войны, орденоносец. Ну, конечно, бывал за границей, бывал, мог довериться... Думаю, ошибка это. Ошибка, потому что уж очень дочку любит. Очень.

Ромахин: А я так уверен, что напутали там. И Люберецкому я верю. И товарищ Полякова тоже так считает. Ну, а раз мы, трое большевиков, так считаем, то наш долг поставить в известность партию. Правильно я мыслю, товарищ Полякова?

Пауза

Мама Искры: Прошу пока никуда не писать.

Ромахин: Это почему же?

Мама Искры: Кроме долга существует право. Так вот, право писать о Люберецком есть только у меня. Я знала его по гражданской войне, по совместной работе здесь, в городе. Это аргументы, а не эмоции. И сейчас это главное: требуются аргументы. Идет предварительное следствие, как мне объяснили, и на этом этапе пока достаточно моего поручительства. Поэтому никакой самодеятельности. И еще одно: никому о нашем разговоре не говорите. Об этом пока знают только Зина Коваленко и моя Искра. Это никого другого не касается.

Сцена 11

(действ. лица: *Артем, Жора, Искра, Зина, Лена,, Пашка, Валька, Валендра*)

Школа. Урок литературы.

Автор: Вика в тот день в школу не пришла, а так все было, как обычно. Мыкался у доски Артем, шептался со всем классом Жорка Ландыс, беседовали друг с другом на переменах Лена с Пашкой. А в середине дня поползли слухи:

Жора: (*Артему шепотом*) У Вики Люберецкой отца арестовали.

Артем: Брехня!

Жора передает записку Искре

Валендра: Что за разговоры? Шефер, перестань шептаться с Ландысом, я все вижу и слышу.

Искра: (*Прочитав записку, резко*) Значит, не все.

Все смотрят на Искру

Пашка: (*Громко шепча*) Из Искры возгорелось пламя!

Лена грозно смотрит на Пашку, тот замолкает. В воздухе висит пауза

Валендра: Продолжим урок. Ландыс, ты много вертишься, а следовательно, многое знаешь. Вот и изволь...

Искра: (*Вскочив с парты*) Валентина Андроновна, разрешите мне выйти.

Валендра: Что с тобой? Ты нездорова?

Искра: Да. Мне плохо, плохо!

Не ожидая разрешения, Искра выбегает из класса. За ней встает Артем

Валендра: Садись, Шефер. Ты же не можешь сопровождать Полякову туда, куда она побежала.

Вскакивает Лена

Лена: Я могу ее сопровождать.

Валендра: Что происходит? Нет, вы объясните: что это, заговор?

Лена: С моей подругой плохо! Разрешите мне пройти к ней, или я уйду без разрешения.

Валендра: (*После паузы*) Ну иди. Все стали ужасно нервными. Не рано ли?

Автор: Лена вышла. Ни она, ни Искра так и не появились до конца урока. А как только прозвенел звонок, и ушла Валендра, в класс влетели Искра с Леной.

Искра: Все, выйдите ненадолго. А ты Коваленко останься.

Выходят все. В кабинете остаются Лена, Искра и Зина. Искра всучает Зине записку

Искра: (Зине) Читай. Вслух: Лена все знает.

Зина: А чья это записка?

Зина берет записку и начинает читать

Зина: «Болтают, что сегодня ночью арестовали отца Вики...» (Подняв глаза) Это не я.

Искра: А кто?

Зина: Ну не я же, господи! Честное комсомольское, девочки. Не я, не я, не я!

Искра: А кто? Если не ты, то кто?

Лена: Я сейчас отколочу ее! Она предатель. Иуда она проклятая!

Искра: Подожди. (Зине) Я спрашиваю тебя, Коваленко, кто мог натрепаться, кроме тебя? Молчишь?

Лена: Ух, как дам сейчас!

Искра: Нет, мы не будем ее бить. Мы всем, всей школе расскажем, какая она. Она не женщина, она — средний род, вот что мы скажем. Мы объявим ей такой бойкот, что она удавится с тоски.

Зина: Обождите! Я знаю, кто натрепал: Юрка из десятого «А». Я не одна была у дома Вики.

Девочки переглянулись и снова уставились на Зину

Зина: Пусть у меня никогда не будет детей, если я сейчас вру.

Искра: Встань, я верю тебе. Лена зови всех сюда. И так уже всё знают.

В кабинет входят все остальные

Искра: Ну что? Все в сборе? Все всё уже узнали? Тогда пошли!

Валька: Куда?

Искра: Как куда? К Вике.

Все замялись. Переглядываются

Лена: Искорка, может, не стоит?

Искра: Значит, для вас дружба — это пополам радость? А если пополам горе — наша хата с краю?

Артем: Искра, успокойся. Это Ленка сдуру. Пошлите.

Все уходят

Сцена 12

(действ. лица: *Артем, Жора, Искра, Зина, Лена, Пашка, Валька, Вика*)

Около Дома Люберецких

Автор: Шли мы молча, точно на похороны. Подойдя к дому мы остановились, старательно — слишком старательно — вытирая ноги.

Искра звонит в дверь. Никто не отвечает

Лена: Может, дома нет?

Искра толкает дверь. Она не заперта. Ребята входят внутрь. Появляется Вика

Вика: Зачем вы пришли? Я не просила вас приходить.

Артем: Ты, это, не просила, а мы пришли, Мы верно сделали. Ты сама, это... потом скажешь.

Вика: Ну, проходите.

По всей квартире валяются вещи, белье и книги.

Лена: Ты уезжаешь?

Вика: Обыск. Садитесь, раз пришли.

Никто не садится. Все осматривают квартиру

Искра: Во всех комнатах так?

Вика: Они что-то искали.

Тишина

Искра: (*Оглядывая квартиру*) Та-ак. За дело, ребята. Все убрать и расставить. Девочки — белье, мальчики — книги. Дружно, быстро и аккуратно!

Вика: Не надо, ничего не надо.

Искра: Нет, надо! Все должно быть, как было. И — как будет!

Автор: И все очень обрадовались, потому что это было реальное занятие и реальная помощь. Мальчики ушли убирать столовую, а девочки — комнату Вики и спальню отца. И вскоре все оживились и даже заулыбались. И даже Вика присела рядом с Искрой и стала укладывать белье.

Искра: Ты написала тете?

Вика: Написала, но тетя не поможет. Будет только плакать и пить капли.

Искра: Как же ты одна?

Вика: Ничего. Мария Васильевна приходила, Артемова мама. Хотел, чтобы я к ним перешла жить. Пока.

Искра: Это же замечательно, это же...

Вика: Замечательно? Уйти отсюда — значит поверить, что папа и в самом деле преступник, А он ни в чем не виновен, он вернется, обязательно вернется, и я должна его ждать.

Искра: Извини, ты абсолютно права.

Пауза

Вика: Почему вы пришли? Ну, почему?

Искра: Мы пришли потому, что мы знаем Леонида Сергеевича и... и тоже уверены, что это ошибка. Это кошмарная ошибка, Вика, вот посмотришь.

Вика: Конечно, ошибка, я знаю. Он сам сказал мне на прощанье. И знаешь что? Я поставлю чай, а? Есть еще немного папиных любимых пирожных.

Искра: А ты обедала?

Вика: Я чаю попью.

Искра: Нет, это не годится, Зина, марш на кухню! Посмотри, что есть. Вика сегодня не ела ни крошечки.

Зина: Я вкусненько приготовлю!

Все садятся за стол и начинают разговаривать

Зина: Ну, и замечательно, ну, и замечательно! Все будет хорошо, вот посмотрите. Я предчувствую, что все будет хорошо!

Автор: Но предчувствовала она, что все будет плохо, а сейчас изо всех сил врала. И Искра знала это, и Лена, и сама Вика, и только ребята со свойственной всем мужчинам боязнь мрачных предопределении верили, что их маленькие и мудрые подружки-женщины говорят сейчас правду.

Ребята собираются домой

Искра: (*Вике*) Ты завтра пойдешь в школу.

Вика: Хорошо.

Лена: (*Вике*) Хочешь, я зайду за тобой? Мне по пути.

Вика: Спасибо, конечно. Прощайте.

Гости уходят. Останавливаются недалеко у выхода

Артем: Страшно все-таки.

Искра: Что?

Артем: Ну, это... Обыск этот. Книжки по полу, а на книжках- следы от сапог. А хрусталь не били. Аккуратно складывали, ни одной рюмки битой.

Зина: Он, наверно, дорогой.

Артем: Дороже книжек? Если стекляшки эти дороже книжек становятся, тогда... Ну, это... Пойдем, Жорка. *(Всем остальным)* Пока.

Зина: (Тихо) Пока...

Все расходятся

Сцена 13

(действ. лица: *Искра, Валендра, Ромахин*)

Приемная директора. В ней сидят Валендра и Ромахин.

Автор: Утром следующего дня Вика пришла в школу с Леной, и класс встретил ее, как всегда. Может быть, с чуть большим вниманием, чуть большим оживлением, но это казалось естественным, и она была благодарна классу. Но «как всегда» продлилось три дня. А на четвертый, к концу уроков, Вику вызвали к директору. Отсутствовала она полчаса, а после туда же вызвали и Искру.

Искра входит в приемную

Валендра: Полякова, скажи, где вы были вчера целым классом?

Искра: У Вики Люберецкой.

Валендра: Ты подговорила ребят пойти туда?

Искра: Предложила я, но ребята пошли сами.

Валендра: Зачем? Зачем ты это предложила?

Искра: Чтобы не оставлять человека в беде.

Валендра: Она называет это бедой! Вы слышите, Николай Григорьевич?

Ромахин устало-покорным взглядом смотрит на Валендру

Валендра: Значит, организовала субботник? Как благородно! А может быть, ты считаешь, что Люберецкий не преступник, а невинная жертва? Почему ты молчишь?

Искра: Я все знаю...

Валендра: Мы не будем делать выводов, учитывая твое безупречное поведение в прошлом. Но учти, Полякова. Завтра же проведешь экстренное комсомольское собрание.

Искра: А повестка?

Валендра: Необходимо решить комсомольскую судьбу Люберецкой. И вообще я считаю, что дочери врага народа не место в Ленинском комсомоле.

Искра: (Еле слышно) Но за что? За что же? Вика же не виновата, что ее отец...

Ромахин: Да, конечно, конечно.

Пауза

Искра: Я не буду проводить этого собрания.

Валендра: Что ты сказала?

Искра: Я не буду проводить собрания...

Валендра: Что-о?..

Искра начинает терять равновесие

Ромахин: Да ей же плохо!

Ромахин вскакивает, подхватывает Искру и усаживает ее на стул.

Искра: Ничего. Извините. Ничего.

Ромахин: (*Валендре*) Что вы сидите как клуша? Сходите уже за медсестрой!

Валендра уходит

Ромахин: Ничего страшного, такое бывает. Ну, чего краснеешь? Дело естественное, растешь, а тут еще так понервничала... Ну, ты в порядке, хороший человек?

Искра: А откуда вы знаете, что хороший?

Ромахин: Ох, и трудно же догадаться было! До дома дойдешь, или, может, машину где выпросить?

Искра: Дойду.

Ромахин: Да и провожатых у тебя достаточно. А собрание будет через неделю, так что не волнуйся пока. Я сам в райком звонил.

Искра: А Вика?

Ромахин: А с Люберецкой пока ничего хорошего не обещаю. Я поговорю, сделаю что смогу, но ничего не обещаю. Сама понимаешь.

Искра: Понимаю... (*Вздыхнув*) Ничего я не понимаю.

Сцена 14 (вариант 1)

(действ. лица: *Артем, Жора, Искра, Зина, Лена, Пашка, Валька, Вика*)

Загородная местность. Недалеко у речки.

Автор: Неделя была как неделя: списывали и подсказывали, отвечали и решали, сочиняли записки, обижались, назначали свидания, плакали тайком. А в субботу после уроков Вика предложила классу попрощаться с осенью. Все удивились, но не предложению, а тому, что оно исходило от Вики. И обрадовались. Решено было отправиться в Сосновку – там были и лес и речка.

Валька: Куда пойдём?

Вика: За дачным поселком лес, а за ним речка.

Лена: Ты бывала здесь?

Вика: Да. Вот наша дача.

Зина: Красивая.

Вика: Папа сам красил. Он любил веселые цвета.

Искра: А сейчас...

Вика: Сейчас все опечатано. Я хотела кое-что взять из своих вещей, но мне не позволили.

Артем: Пошли. Чего глядеть-то?

Автор: Вика вывела к речке — пустой и грустной, с затонувшими кувшинками. Ребята развели костер, и, когда затрещал он, разбрасывая искры, все облегченно заговорили и заулыбались, точно огонь высветил этот задумчивый осенний день из сумрака недавнего прошлого.

Ребята начинают играть на гитаре и петь

Вика: (*Жоре, после песни*) Ты очень занят?

Жора: Я? Нет, что ты! У нас Артем главный по кострам.

Вика: Хочешь, я покажу тебе одно место?

Вика и Жора отходят к краю сцены

Вика: Я любила читать здесь.

Вика садится на край сцены

Вика: Сядь. Рядом сядь, что ты за спиной бродишь?

Жора садится

Вика: Ландыш, ты любишь меня, Ландыш?

Пауза

Вика: Ты долго будешь любить меня?

Жора: Очень.

Вика: Спасибо тебе. Поцелуй меня, Ландыш.

Жора целует Вику в щеку

Вика: И обними. Пожалуйста, обними меня покрепче.

Обнимает ее. Так проходит какое-то время

Валька: *(Издалека)* Вика, Жорка, где вы там? Кушать подано!

Автор: Мы ели докторский хлеб с молоком, пекли картошку, что принес предусмотрительный Артем, пили ситро: на каждого досталось по бутылке. Потом снова пели песни, беспричинно смеялись. Пашка ходил на руках, а Артем и Валька прыгали через костер. И Вика пела и смеялась, а Жорка все время ловил ее взгляд. А она улыбалась ему. Вернулись мы уже в темноте и поэтому, проводив Вику до дома, прощались торопливо.

Искра: Завтра понедельник...

Вика: Я знаю... Может быть, я не приду на уроки. Но ты не волнуйся, все будет как надо.

Искра: Значит, на собрании ты будешь?

Вика: Да, да, конечно.

Лена: Вика, ждем!

Ребята прощаются и расходятся

Сцена 15

(действ. лица: *Артем, Жора, Искра, Зина, Лена, Пашка, Валька, Валендра*)

Следующий день. Школа. Комсомольское собрание. На нем сидят все ученики.

Автор: На следующий день Вика в школе так не появилась. Валентина Андроновна нашла Искру, предложила срочно сходить к Люберецкой и выяснить...

Искра: Не надо, Валентина Андроновна. Вика придет на собрание, она дала слово. А то, что ее нет на уроках, это же понятно: ей надо подготовиться к выступлению.

Валендра: Опять капризы, прямо беда с вами. Коваленко, беги сейчас же за ней и тащи силой!

Зина уходит

Валендра: Ладно. У нас есть время поговорить и поразмыслить, и, может быть, то, что Люберецкая оказалась жалким трусом, даже хорошо. По крайней мере, это снимает с нее тот ореол мученичества, который ей усиленно пытаются прилепить плохие друзья и плохие подруги. Да, да, плохие друзья и плохие подруги! Хороший друг, верный товарищ всегда говорит правду, как бы горька она ни была. Не жалеть надо — жалость обманчива и слезлива, — а всегда оставаться принципиальным человеком. Всегда! *(Делает паузу)* С этих принципиальных позиций мы и будем разбирать персональное дело Люберецкой. Мы не должны забывать и об увлечении чуждой нам поэзией некоторых чересчур восторженных поклонниц литературы. Мы не должны забывать о разлагающем влиянии вредной, либеральной, то есть буржуазной, демократии. Далекие от педагогики элементы стремятся всеми силами проникнуть в нашу систему воспитания, сбить с толку отдельных легковверных учеников, а то и навязать свою гнилую точку зрения.

Класс начинает гудеть

Автор: Класс загудел, когда Валентина Андроновна этого не ожидала. Он молчал, когда она говорила о Люберецкой, молчал, когда намекнула на стихи Есенина и слегка проехала по Искре Поляковой. Но при первом же намеке на директора класс возроптал. Он гудел возмущенно и несогласно, не желая слушать.

Валендра: Тихо! Тихо, я сказала!

Все замолчали

Валендра: Вопрос о бывшем директоре школы решается сейчас...

Пашка: О бывшем?

Валендра: Да, о бывшем! Ромахин освобожден от этой должности... Ну, точнее, Николай Григорьевич пока не освобожден и вопрос пока не решен. Возможно, я не права с формальной стороны. Однако я, как честный педагог...

Класс начинает улыбаться

Валендра: Прекратите смех! Да, я форсирую события, но я свято убеждена в том, что...

В класс влетает Зина

Валендра: (Зине) А Люберецкая?

Зина молчит

Валендра: Ну, что ты молчишь? Я спрашиваю: где Люберецкая?

Зина: В морге...

Зина сползает по двери и садится на пол. Весь класс в шоке.

Сцена 16

(действ. лица: *Искра, Мама Искры*)

Дома у Поляковых

Автор: В дни, что оставались до похорон, никто из нашей компании в школе не появлялся. Иногда — чаще к большой перемене — забегал Валька, а Ландыс вообще куда-то пропал, не ночевал дома, не показывался у Шеферов.

Следствие уложилось в сутки — Вика оставила записку: «В смерти моей прошу никого не винить. Я поступаю сознательно и добровольно». Да, снотворное. Много было снотворного в доме, а она одна...

Мама Искры: Пора брать себя в руки. Искра

Искра: Конечно.

Мама Искры: В жизни будет много трагедий. Я знаю, что первая — всегда самая страшная, но надо готовиться жить, а не тренироваться страдать.

Искра: Может быть, следует тренироваться жить?

Мама Искры: Не язви, я говорю серьезно. И пытаюсь понять тебя.

Искра: Я очень загадочная?

Мама Искры: Искра!

Искра: У меня имя — как выстрел... Прости мама, я больше не перебью.

Мама Искры: Самоубийство — признак слабости, это известно тебе? Поэтому человечество исстари не уважает самоубийц.

Искра: Даже Маяковского?

Мама Искры: Прекратить!

Бьет по столу кулаком

Искра: Прости, мама.

Мама Искры: Сядь. Ты, конечно, пойдешь на похороны и... и это правильно. Другьям надо отдавать последний долг. Но я категорически запрещаю устраивать панихиду. Ты слышишь? Категорически!

Искра: Я не очень понимаю, что такое панихида в данном случае. Вика успела умереть комсомолкой, при чем же здесь панихида?

Мама Искры: Искра, мы не хороним самоубийц за оградой кладбища, как это делали в старину. Но мы не поощряем слабовольных и слабонервных. Вот почему

я настоятельно прошу... нет, требую, чтобы никаких речей и тому подобного. Или ты даешь мне слово, или я запру тебя в комнате и не пущу на похороны.

Искра: Неужели ты сможешь сделать это, мама?

Мама Искры: Да... Да, потому что мне безразлично твое будущее.

Искра: Мое будущее! Ах, мама, мама! Не ты ли учила меня, что лучшее будущее - это чистая совесть?

Мама Искры: Совесть перед обществом, а не...

Вдруг запинаясь. Молча смотрит на дочь. Подходит к ней и крепко обнимает

Мама Искры: Ты единственное, что есть у меня, доченька. Единственное. Я плохая мать, но даже плохие матери мечтают о том, чтобы их дети были счастливы. Оставим этот разговор: ты умница, ты все поняла и... Иди спать, завтра у тебя очень тяжелый день.

Сцена 17

(действ. лица: *Артем, Жора, Искра, Зина, Лена, Пашка, Валька, Ромахин, Саша*)

Следующее утро. Улица

Автор: На следующий день по городу шла странная процессия без оркестра и рыданий, без родных и родственников и почти без взрослых: они совсем потерялись среди своих учеников. Так прошли через весь город от школы до окраинного кладбища. Гроб несли сами на руках. Ребята менялись на ходу, и лишь Жорка шел до конца, никому не уступив своего места у ног Вики.

На середину сцены выходит Искра

Искра:

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей,-
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Все расходятся. На сцене остается Искра. К ней подходит Саша

Саша: Я за тобой. Я билеты в кино купил.

Искра: Ты почему не был на кладбище?

Саша: Непустили. Вот в кино и проверишь, мы всей бригадой идем. Свидетелей много.

Искра: Только в кино мы не пойдем.

Саша: Понимаю. Может, погуляем? Дождя нет, погода на «ять».

Искра: А вчера был дождь. Цветы стали мокрыми и темнели на глазах.

Саша: Черт дернул его с этим самолетом...

Искра: Саша, а ты точно знаешь, что он продал чертежи?

Саша: Точно. У нас на заводе все знают. Вот это он зря.

Искра: Почему же зря?

Саша: Хороший мужик. Жалко.

Искра: Что жалко? Почему это — жалко?

Саша: Снимут.

Искра: Значит, по-твоему, надо молчать и беречь свое здоровье?

Саша: Надо не лезть на рожон.

Искра: «Не лезть на рожон!» Сколько тебе лет, Стамескин? Сто?

Саша: Дело не в том, сколько лет, а...

Искра: Нет, в том! Как удобно, когда все вокруг старики! Все будут держаться за свои больные печенки, все будут стремиться лишь бы дожить, а о том, чтобы просто жить, никому в голову не придет. Не-ет, все тихонечко доживать будут, аккуратненько доживать, послушно: как бы чего не вышло. Так это все — не для нас! Мы — самая молодая страна в мире, и не смей становиться стариком никогда!

Саша: Это тебе Люберецкий растолковал? Ну, тогда помалкивай, поняла?

Искра: Ты еще и трус к тому же?

Саша: К чему это — к тому же?

Искра: Плюс ко всему.

Саша: Это, знаешь, слова всё. Вы языками возите, «а» плюс «б», а мы работаем. Руками вот этими самыми богатства стране создаем. Мы...

Искра уходит

Саша: Искра!..

Саша бежит за ней

Сцена 17

(действ. лица: *Артём, Жора, Зина, Лена, Пашка, Валька, Ромахин, Валендра*)

Школа. Урок Литературы

Автор: В школе шли обычные уроки, только в старших классах они проходили куда тише, чем обычно. И еще в 9 «Б» одна парта оказалась пустой: Искры в школе не было. Зиночка пересела на ее место, к Лене, и пустая парта Вики Люберецкой торчала как надгробие. Преподаватели сразу натыкались на нее взглядом, отводили глаза и Зину не тревожили. И вообще никого не тревожили: никто не вызывал к доске, никто не спрашивал уроков. А потом начался урок литературы, который мы навсегда запомнили.

Звучит звонок. В кабинет входит Валендра. Ребята никак не приветствуют ее.

Валендра: Здравствуйте. Мы продолжаем с вами изучать роман русского философа и писателя Николая Гавриловича...

В кабинет входит Ромахин. Весь класс тут же встает

Ромахин: Я попрощаться зашел... Садитесь.

Класс продолжает стоять. Ромахин улыбается

Ромахин: Вот прощаться зашел. Ухожу... *(Пауза)* Трудно расставаться с вами, черти вы полосатые, трудно! В каждый класс захожу, всем говорю: счастливо, мол, вам жить, хорошо, мол, вам учиться. А вам, девятый «Б», этого сказать мало. *(Валендре)* Эх, Валентина Андроновна, были бы бойцы, а командиры всегда найдутся. А в этих бойцов я верю: они первый бой выдержали. Они обстрелянные теперь парни и девчата, знают почему фунт лиха. *(Классу)* Я верю в вас, слышите? Верю, что будете настоящими мужчинами и настоящими женщинами! Верю, потому что вы смена наша, второе поколение нашей великой революции! Помните об этом, ребята. Всегда помните!

Ромахин долго стоит, взглядывается в каждое лицо. Потом уходит. Ребята продолжают стоять

Автор: А класс еще долго стоял, глядя на закрытую дверь. Трудный был день, очень трудный. Тянулся, точно цепляясь минутой за минуту, что-то тревожное висело в воздухе, сгущалось, оседая и накапливаясь в каждой душе. И взорвалось на последнем уроке.

Класс медленно садится на свои места

Валендра: Коваленко, кто тебе разрешил пересесть?

Зина: Я... *(Встает)* Мне никто не разрешал. Я думала...

Валендра: Немедленно сядь на свое место!

Зина: Валентина Андроновна, раз Искра все равно не пришла, я...

Валендра: Без разговоров, Коваленко. Разговаривать будем, когда вас вызовут.

Артем: Значит, все же будем разговаривать?

Валендра: Что за реплики, Шефер? На минутку забыл об отметке по поведению?

Артем хочет ответить, но его одергивает за рубашку Валька

Валендра: Что такое, Коваленко? Ты стала плохо слышать?

Зина: Валентина Андроновна, пожалуйста, позвольте мне сидеть сегодня с Боковой. То парта Вики и...

Валендра: Ах, вот в чем дело? Оказывается, вы намереваетесь устроить памятник? Как трогательно! Только вы забыли, что это школа, где нет места хлюпикам и истеричкам. И марш за свою парту. Живо!

Зина резко выпрямляется

Зина: Не смейте... Не смейте говорить мне «ты». Никогда. Не смейте, слышите?...

Зина выбегает из класса. Встает Валька

Валька: А ведь вы не правы, Валентина Андроновна. Конечно, Коваленко тоже не защищаю, но и вы тоже.

Валендра: Садись, Александров!

Валька продолжает стоять

Валендра: Я, кажется, сказала, чтобы ты сел.

Валька: А я еще до этого сказал, что вы не правы. У нас Шефер, Остапчук да Ландыс уже усы бреют, а вы — будто мы дети. А мы не дети. Уж, пожалуйста, учтите это, что ли.

Валендра: Так. Уяснила. Кто еще считает себя взрослым?

Встают все. Наступает молчание.

Валендра: Понятно. Садитесь.

Класс садится. Молчание продолжается. Валендра глазами водит по журналу.

Автор: Класс дружно сел. Без обычного шушуканья и смешков, без острот и реплик, без как бы невзначай сброшенных книг. Валентина Андроновна торопливо раскрыла журнал, уставилась в него, не узнавая знакомых фамилий, но ясно слышала, как непривычно тихо сегодня в ее классе. То была дисциплина отрицания, тишина полного отстранения, и она с болью поняла это. Класс решительно обрывал все контакты со своей классной руководительницей,

обрывал, не скандаля, не бунтуя, обрывал спокойно и холодно. Она стала чужой, чужой настолько, что ее даже перестали не любить. Молчание затягивалось, но в классе стояла мертвая тишина. «Мертвая!» Сейчас она не просто поняла — она ощутила это слово во всей его безнадежности.

Валендра: Мы сегодня почитаем... Сон Веры Павловны. Бокова, начинай...те. Можно сидя.

Сцена 18

(действ. лица: *Артем, Жора, Искра, Зина, Лена, Пашка, Валька, Люберецкий*)

Около дома Люберецких

Автор: Через несколько дней в школу вернулся Николай Григорьевич. Занял привычный кабинет, но в кабинете том было теперь тихо. Он и сам не знал, почему его оставили. Не знал и не узнал никогда, что Мария Васильевна Шефер неделю ходила из учреждения в учреждение, из кабинета в кабинет, терпеливо ожидая приемов, высиживая в очередях и всюду доказывая одно: Ромахина увольнять нельзя!

Валентина Андроновна, стала изредка улыбаться классу, и кое-кто из класса — менее заметные, правда, — стали улыбаться ей, и та вежливость, которую с таким единодушием потребовал однажды 9 «Б», постепенно становилась вежливостью формальной. Валентина Андроновна все чаще оговаривалась, сбивалась на привычное «ты», а если с некоторыми и не оговаривалась, то обозначала свое особое отношение особыми улыбками. Все входило в свою колею и должно было в конце концов войти. Все было естественно и нормально.

А парту Вики Артем и Ландыс передвинули в дальний угол класса, к стене, и теперь за ней никто не сидел. Ходили на могилу, посадили цветы, обложили дерном холмик. Сашка Стамескин, никому ничего не сказав, привез ограду, сваренную на заводе, а Жорка выкрасил эту ограду в самую веселую голубую краску, какую только смог разыскать.

Все входило в свою колею, и снова Артем мыкался у доски, снова что-то ненужное изобретал Валька, снова шептался со всем классом Жорка. Пашка до седьмого пота вертелся на турнике и гулял с Леночкой, Зина, остепенившись, встречалась с Артемом, и только Искре некуда было ходить по вечерам.

Только в конце ноября стало известно — Леонид Сергеевич вернулся домой...

Ребята на пороге дома Люберецких

Сколько раз мы приближались к этому дому с замершими навеки шторами! Сколько раз нам приходилось собирать всю свою волю для последнего шага, сколько раз мы беспомощно топтались перед дверью, бессознательно уступая первенство Искре! Но сегодня первым шел Артем.

Пашка: Ну, Артем, ты железный.

Артем и Искра заходят внутрь. За столом сидит Люберецкий. Молча оглядывает гостей.

Искра: Мы друзья Вики.

Люберецкий смотрит на них, кивает

Искра: Мы хотели рассказать. Мы до последнего дня были вместе. А в воскресенье ездили в Сосновку.

Молчание.

Автор: Нет, он нас не слышал. Он слушал себя, родные голоса, звучащие в нем, свои воспоминания, какие-то отрывочные фразы, отдельные слова, которые теперь помнил он один. И ребята совсем не мешали ему: наоборот, он испытывал теплое чувство оттого, что они не забыли его Вику, что пришли, что готовы что-то рассказать.

Молчание прерывает Артем

Артем: Вы были на кладбище?

Люберецкий выходит из прострации

Люберецкий: Да. Ограда голубая. Цветы. Куст хороший.

Молчание

Валька: (*Шепотом*) Уходить надо, мешаем.

Артем подходит к Люберецкому, кладет ему руку на плечо

Артем: Послушайте, это... нельзя так! Нельзя! Вика вас другим любила. И это... мы тоже. Нельзя так.

Люберецкий: Что?

Артем: Да, все не так. Все не так.

Люберецкий: Не так?

Артем подходит ко входной двери

Артем: Идите сюда, Леонид Сергеевич.

Люберецкий не шевельнулся

Артем: Идите, говорю! Искра помоги.

Люберецкий встает сам, подходит к двери. Видит ребят

Артем: Смотрите. Весь бы класс здесь и не уместился.

Люберецкий: Милые вы мои... милые мои ребятки... (*Искре*) Они же замерзли! Позовите их, Искра.

Искра радостно бросается к дверям, все заходят внутрь

Зина: Я чай поставлю! Можно?

Люберецкий: Поставьте, Зиночка.

Автор: Он, не отрываясь, смотрел, как тщательно отряхивают друг друга ребята, как один за другим входят в квартиру. В глазах его были слезы.

До чая Искра и Ландыс увели Леонида Сергеевича в комнату Вики, о чем-то долго говорили с ним. А Лена собрала все ребячьи деньги, и они с Пашкой сбегали в кондитерскую. И когда Зина позвала всех к чаю, на столе стояли знакомые пирожные.

За чаем вспоминали о Вике. Вспоминали живую — с первого класса — и говорили, перебивая друг друга, дополняя и досказывая. Люберецкий молчал, но слушал жадно, ловя каждое слово.

Люберецкий: Какой тяжелый год!

Зина: Знаете почему? Потому что високосный. Следующий будет счастливым, вот увидите!

Автор: Следующим был тысяча девятьсот сорок первый.

Эпилог

Автор: Войну пережили немногие из нас. Валька Александров – наш Эдисон. .. Валька горел в танке и спалил не только уши, но и собственную глотку. Впрочем, профессия у него молчаливая: вот уж сколько лет часы ремонтирует.

Пашка Остапчук. В школе за ним остроумия не водилось: он умел ловко вертеть на турнике «солнце» да преданно любить Леночку Бокову. Война отняла у Пашки ногу и спорт, и к Леночке он не вернулся, хотя она ждала его до Победы.

А Лена как назло Пашке вышла в сорок шестом замуж, а через пять лет овдовела.

Сашка Стамескин. Виноват, Александр Авдеевич Стамескин, директор крупнейшего авиазавода, лауреат, депутат и прочая и прочая.

Зиночка Коваленко. И, постарев, она не повзрослела. Воспитала двух отличных сыновей: старший – Артем, а младший Жора... Артем и Жора...

Артем... Артем Шефер. В самом начале когда провод перебило, он сам себя взорвал вместе с мостом. Просторная у него могила, у Артема нашего!

Герой Советского Союза летчик-истребитель Георгий Ландыс. Жора Ландыс Марки собирал. А уже в конце войны героически повел свой самолет на таран с противником.

Искра, Искра Полякова, Искорка наша. Как маму ее звали, не помню, а только гестаповцы ее на два часа раньше доченьки повесили. Так и висели рядышком — Искра Полякова и товарищ Полякова, мать и дочь.

Сейчас на школьные сборы мы ездим нечасто - раз в два-три года. Встречаемся с теми, кто уцелел на фронте или выжил в оккупации, ходим в гости, гоняем чай с доживающими свой невеселый век мамами и стареющими одноклассницами, смотрим бесконечные альбомы, слушаем рассказы, а Валька всем чинит часы. И самое точное время в городе у бывших учеников когда-то горестно знаменитого 9 «Б».